вителей соціализма, которые, наконецъ, спохватились и, сами испугавшись результатовъ долго практиковавшейся ими тактики, возстали противъ послѣдовательнаго, доведеннаго до крайностей приложенія ихъ же прежнихъ взглядовъ къ современной политической борьбѣ. Но намъ не хочется плодить полемики за прегрѣшенія заднимъ числомъ, и притомъ за прегрѣшенія, въ которыхъ люди раскаиваются, нападая тѣмъ съ большимъ жаромъ на представителей «новаго метода», что они не могутъ же не видѣть въ нихъ законныхъ дѣтей своего прежняго метода.

Ограничусь поэтому лишь однимъ фактомъ почти безличнаго характера. Всѣмъ извѣстно, какое впечатлѣніе произвело на соціаль-демократію всего міра извѣстное предисловіе Энгельса къ статьямъ Маркса о движеніи 1848 года, предисловіе, въ которомъ путь насилія, революціоннаго столкновенія на баррикадахъ и т. п. былъ объявленъ путемъ, отошедшимъ въ прошлое. Надо было видѣть, съ какимъ единодушіемъ люди, казалось бы, отъ природы настоящаго революціоннаго темперамента отнеслись къ этому взгляду, какъ къ одному изъ существенныхъ членовъ марксистскаго символа вѣры; и съ какимъ чисто религіознымъ фанатизмомъ они требовали отъ всѣхъ соціалистовъ исповѣданія этого пункта ихъ Credo. И, что же? Нужно было возгорѣться полемикѣ между Бернштейномъ и Каутскимъ, чтобы мы могли узнать, и узнать только теперь, очень любопытное обстоятельство, а именно, что упомянутое предисловіе Энгельса оканчивалось, собственно говоря, далеко не такими мирными разсужденіями, какія появились въ печатной редакціи; но что нѣмецкіе друзья Энгельса, теоретики и практики нѣмецкой соціаль-демократіи, упросили автора измѣнить это окончаніе — въ виду предстоявшихъ, видите ли, въ то время выборовъ въ германскій парламентъ. Подумайте, отъ какого спеціальнаго и въ сущности не особенно значительнаго въ общей исторіи обстоятельства зависѣли появленіе новаго члена символа вѣры и его усиленное исповѣданіе въ теоріи и на практикѣ всей международной соціаль-демократіей. Да послужитъ же это намъ предостереженіемъ противъ воз-

веденія въ теорію соціализма удобствъ минутной, повидимому, цѣлесообразной тактики.

Въ настоящее время соціалистическій оппортунизмъ свирѣпствуетъ особенно во Франціи, и свирѣпствуетъ, къ сожалѣнію, благодаря поддержкѣ и усиленной пропагандѣ со стороны не только банальныхъ политикановъ партіи, но и крупныхъ людей, въ родѣ Жореса, которые еще такъ недавно, въ дѣлѣ Дрейфуса, обнаружили великолѣпный революціонный энтузіазмъ и благородную натуру. Но тѣмъ хуже для нихъ: соціализмъ болѣе, чѣмъ какое-либо другое міровоззрѣніе, долженъ быть нелицепріятнымъ и не обращать вниманія на калибръ политическихъ дѣятелей и даже ихъ бывшія заслуги, если ихъ настоящая дѣятельность идетъ вразрѣзъ съ интересами великаго дѣла. И даже скорѣе наоборотъ: если noblesse oblige, то и le passé oblige, — славное прошлое является не извиненіемъ, а лишнимъ обязательствомъ продолжать и дальше служить вѣрою и правдою революціонному соціализму.

Какъ бы то ни было, соціалистическій оппортунизмъ выражается теперь во Франціи въ формѣ участія соціалиста въ буржуазномъ министерствѣ, какъ мы уже упомянули въ первой части статьи, разсматривая тамъ этотъ фактъ какъ симптомъ роста соціализма. И опять таки остережемся и здѣсь возводить требованія тактики въ принципъ и дѣлать изъ нихъ члены символа вѣры, подлежащіе, можетъ быть, завтра же пересмотру, отмѣнѣ и исключенію изъ ряда вѣчныхъ истинъ. Международный соціалистическій конгрессъ (1900 г. въ Парижѣ), становясь на надлежащую точку зрѣнія, призналъ, что вообще говоря, условія развитія и борьбы соціализма препятствуютъ всякому союзу рабочихъ съ привилегированными классами въ современномъ классовомъ обществѣ; но что могутъ быть такія «исключительныя обстоятельства», которыя дѣлаютъ «при случаѣ необходимыми коалиціи». Вступленіе же соціалиста въ буржуазное министерство было охарактеризовано, какъ «опасный опытъ», вынуждаемый порою «политическимъ положеніемъ» и требующій непремѣнно санкціи «значительнаго большинства соціалистической партіи», хотя въ